

КОЛЛЕКЦИЯ ФОЛЬКЛОРА
ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Издательство АСТ
Москва

ВАСИЛИЙ ЛЁВШИН

РУССКИЕ СКАЗКИ

Приключения богатырей
в оригинальной редакции

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
ЛЗ8

Художественное оформление *Алексея Родюшкина*

Лёвшин, Василий Алексеевич

ЛЗ8 Русские сказки. Приключения богатырей в оригинальной редакции / В.А. Лёвшин. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с. ; ил. — (Коллекция фольклора. Подарочное).

ISBN 978-5-17-162302-9

Василий Лёвшин (1746–1826) — российский издатель и литератор, посвятивший свою жизнь исследованию русского народного творчества, по результатам чего появился целый сборник сказок о русских богатырях.

Сказки, представляют собой литературную обработку фольклорного материала, где главные действующие лица — Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурила, Змей Горыныч, Тугарин Змей, великий князь Владимир и многие другие. Несмотря на то, что автор весьма свободно обращался с народными памятниками, в своих произведениях он смог сохранить «русский дух», передать атмосферу того времени и конечно же, оставил смысл русских народных сказов. В. Лёвшин соединял сюжеты разных жанров, обрабатывая их в духе западноевропейских рыцарских романов, стилизуя русских богатырей на манер «странствующих рыцарей».

«Богатырские сказки» пользовались огромной популярностью, затмили собой все прежние опыты в этом направлении и послужили образцом для дальнейших подражаний — они явились одним из источников «Руслана и Людмилы» А. Пушкина.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ИЗВЕСТИЕ

Издать в свет книгу, содержащую в себе отчасти повествования, которые рассказывают в каждой харчевне, кажется, был бы труд довольно суетный, но я уповаю найти оправдание мое в следующем.

Романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений и удостоились потому предания на письме, а в новейшие времена, у просвещеннейших народов, почтили оные собранием и изданием в печать. Помещенные в Парижской всеобщей вивлиофике романов повести о рыцарях не что иное, как сказки богатырские, и французская Bibliothèque Bleue содержит таковые ж сказки, каковые у нас рассказываются в простом народе. С 1778 года в Берлине также издается Вивлиофика романов, содержащая между прочими два отделения: романов древних немецких рыцарей и романов народных. Россия имеет также свои, но оные хранятся только в памяти; я заключил подражать издателям, прежде меня начавшим подобные предания, и издаю сии сказки русские с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имеющих время, собрать все оных множество, чтоб составить Вивлиофику русских романов.

Должно думать, что сии приключения богатырей русских имеют по себе отчасти дела бывшие, и если совсем не верить оным, то надлежит сомневаться и во всей древней истории, коя по большой части основана на оставшихся в памяти сказках; впрочем, читатели, если похотят, могут различить истину от баснословия, свойственного древнему обыкновению в повествованиях, в чем, однако, никто еще не успел.

Наконец, во удовольствие любителям сказок, включил я здесь таковые, которых никто еще не слышал и которые вышли на свет впервые в сей книге.

ВСТУПЛЕНИЕ

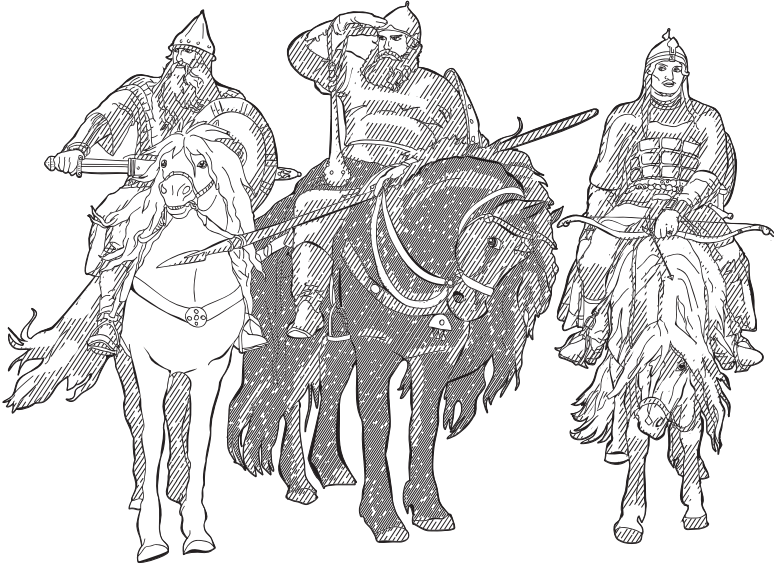
Мы опоздали выучиться грамоте и чрез то лишились сведения о славнейших наших русских ироях в древности, которых довольному числу надлежит быть в народе, прославившемся в свете своею храбростью, и которого науки состояли в одном только оружии и завоеваниях. Насильство времени истребило оные из памяти, так что не осталось нам известия, как только со времени великого князя Владимира Святославича Киевского и всея России. Монарх сей, устрашивши греков и варваров, прославился великолепием двора своего, расточением неисчетных сокровищ на огромные здания народные и государственные, на привлечение ученых людей и храбрых могучих богатырей, ибо он не уповал довольно награждать заслуги. Сие возвеличило славу его: сильнейшие богатыри стеклись к нему от всех стран славенских. Войски его учинились непобедимы и войны ужасны, понеже сражались и служили у него сильнейшие богатыри: Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурило Пленкович, Илья Муромец и дворянин Заолешанин. С их-то помощью побеждал он греков, поляков, ятвягов, косоогов, радимичей, болгаров и херсонян. Но и удивительно ли государю премудрому и имеющему таковых богатырей покорять народов, хотя из них одни некогда и весь свет заво-

евали? Ибо в старину сражались не по-нынешнему: довольно тогда было одной силы и бодрости. Придет ли войско неприятелей от двух до трех сот тысяч — всякой монарх, не имеющий большего числа рати, должен откупаться золотом либо покоряться, но не так со Владимиром! Он посылает лишь одного богатыря, и горе, горе наступающим! «Не вихри, не ветры в полях поднимаются, не буйные крутят пыль черную: выезжает то сильный, могучий богатырь Добрыня Никитич (или иной кто-нибудь) на своем коне богатырском, с одним только своим Таропом-слугой¹. На самом на нем доспехи ратные, позлащенные; на бедре его висит меч-кладенец в полтораста пуд; во правой руке копье булатное²; на коне сбруя красна золота; на руке висит шелковая плеть того ли шелку чемаханского. Он, завидевши силу поганую,³ восклицает богатырским голосом, засвистывает молодецким посвистом; от того

¹ Из сего видно, что в старину всюду господствовал вкус странствующих рыцарей и слуги богатырские не значили, кроме конюших или оруженосцев, каковые бывали у рыцарей гэльских и немецких.

² Русские богатыри считали за стыд сражаться, кроме ручного оружия, ибо убивать пращом или стрелою не вменяли в приличное человеку храбромu, и потому луков не вживали, а вооружались оными слуги их.

³ Илья Муромец происходил от простых родителей, был уроженец города Мурома и до двадцати лет не владел ногами. По особливому приключению получил вдруг и ноги, и невообразимую силу. Купил шелудивого жеребенка, вывалял его в тридевяти утренних росах и учинил конем богатырским, на коем отправился служить великому Киевскому князю, и поспел он из Мурома между заутрени и обедни в Киев. Во время сего пути, который продолжался непроходимыми лесами, победил славного Соловья-разбойника. Сей разбойник прозван Соловьем по чрезмерно громкому свисту, от коего ни один человек не мог на ногах устоять. Он опустошил многие страны, но свист ему не помог против Ильи Муромца: сей сбил его с ног одним ударом плети и, второча к седлу, привез в Киев, где убил его одной пощечиной. Во время ж сего пути освободил удельного Кинешемского князя от Литвы, обступившей во множественном числе столицу его. Сие великое войско побил он наголову своею богатырскою палицею и успел, однако, как выше сказано, приехать к обедне в Киев, где окончал век во услугах великого князя, оказав множество чудных подвигов.

сыр-бор приклоняется и лист с древес опускается; он бьет коня по крутым бедрам; богатырский конь разъяряется, мечет из-под копыт по сенной копне, бежит в поля — земля дрожит, изо рта пламя пышет, из ноздрей дым столбом. Богатырь гонит силу поганую: где конем вернет, тамо улица; он копьем махнет, нету тысячи; а мечом хватит, гибнет тьма людей». Посему нет чудного, если из таковых великих воинств, наступавших на Россию, не спасалось ни души живой. Подобной несчетной силы, с какими в старину цари персидские наступали на Грецию, мало бы было, чтоб управиться с нею одному богатырю. Не нужно б было храбрым грекам терять жизнь свою, защищая Термопилы: довольно бы послать Чурилу Пленковича, и он, заслоня сей узкий путь щитом своим, поморил бы всех с досады, ибо сломить его было дело невозможное. Жаль, что Александр убрался со света заблаговременно, не нужно бы ему опиваться вина до смерти: было б и без того кому унять его проказы: послать бы лишь

Илью Муромца, он на коне своем поспел бы дней в пять в Индию, догнал бы его и за Гангесом и, второча бы его к седлу своему, как славного Соловья-разбойника, привез в славный Киев-град, где заставил бы его сухари толочь. Из всего сего видимо, что не было Владимиру нужды содержать миллион войска, как только для великолепия монаршего: с богатырями своими легко бы ему завоевать целый свет, если бы не удерживали его от того добродетели. Но как не в одной Русской земле были в сие время богатыри сильные, то и довольно было хлопот сему славному государю, но от коих избавился он чрез своих защитников, отборную поленицу удалую, как покажут то следующие повести богатырей его, перекрушивших всех исполинов, полканов и богатырей чуждых того времени⁴.

⁴ В продолжении повестей места, отделенные сими « » значками, будут содержать точные слова древнего слога российских поем, или сказок богатырских, ибо я для способности к чтению принужден был оные по большей части преложить в нынешнее наречие.

ПОВЕСТЬ О СЛАВНОМ КНЯЗЕ
ВЛАДИМИРЕ КИЕВСКОМ
СОЛНЫШКЕ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЕ
И О СИЛЬНОМ ЕГО МОГУЧЕМ
БОГАТЫРЕ ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ

Во время неверия Владимир имел множество жен, между которыми была у него болгарыня, именем Милолика, чрезвычайной красоты, как то можно усмотреть из описания о сей, ибо имела она «очи сокольи, брови собольи, походку павлиную, грудь лебединую, и прочая. — Довольно, что не было ее краше во всю землю Русскую, во всю колесницу поднебесную», и следственно, возлюбленнее для своего супруга. Она взята была в плен близ столичного города отечества своего Боогорда волжскими разбойниками во время прогуливания с своими мамками, няньками и санными девушками и для великой красоты доставлена к Владимиру, который с первого взгляда толь заражен стал прелестями ее, что предпочел ее всем женам своим и свободил всех 800 наложниц, заключаемых для него в Вышграде, чем и приобрел сердце гордой сей красавицы. Дни

текли в совершенной радости; прешедшие победы принесли богатства; мир умножал изобилие; подданные любили своего государя, и сей обращал к ним все рачение и милость, ибо покой души его происходил от сердца, удовлетворенного любовью. С сего обстоятельства начинается повесть.

Седящу Владимиру со своею княгинею Милолицкою, со своими боярами, в своих теремах златоверхих, за столами дубовыми, за скатертми браными, за яствами сахарными, понеже день тот был торжеством в воспоминание славной победы над греками. Внезапу слышан стал глас рога ратного. Великий князь прикручинился, сложил свои руки ко белым грудям и думал крепку думушку. От сего бояре приуныли все, буйны головы повесили. Один лишь Святорад, воевода Киевский, не уныв сидел; он встает, поднимается из-за стола дубового, не допив чары зелена вина, не доев куска сахарного; он подходит к князю Владимиру, преклоняет чело до полу и говорит бодрым голосом: «Ты гой еси, наш батюшка Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич! Не прикажи казнить-рубить, прикажи слово вымолвити: Отчего ты, государь, прикручинился? О чем ты так запечалился? Будет и пришла чудь поганая под твой славный Киевград, разве нет у тебя рати сильныя? Прикажи, государь, послать опровердати, кто смеет наступать на землю Русскую?» На сие отвечивал ему великий князь с улыбкою: «Благодарю тебя за твое о мне усердие. Я запечалился не от ужаса: побивал я войски сильные, разорял я грады крепкие, не один царь пал от рук моих, мне война уж принаскучила, мне жаль вас, моих подданных; я хотел прожить с вами мирный век, не хотел я лить крови человеческой; но когда так учинилося, пошлите опровердати двух сильных витязей,

кто смеет стать перед Киевом? Кто смеет трубить ко Владимиру? На бой ли он зовет или тешится?» Святорад поклоняется, выходит из терема златоверхого на красное крыльцо, призывает из дворца государева славных витязей, выбирает двоих, кои по сердцу, посылает их сказать слово княжее. Славные витязи надевают сбрую ратную, садятся на добрых коней, выезжают во чисто поле. Там не видят они силы ратная, ни войска великого, только видят один бел шатер. Подъезжают к тому белу шатру, видят коня богатырского, роста необъятного; конь, завидя их, перестал есть пшеницу белу ярую⁵, учал бить копытом во сыру землю, провещал человечьим голосом: «Встань, пробудись, сильный могучий богатырь Тугарин Змеевич! К тебе идут послы из города Киева!»

Посланные изумилися, видя таковые странности, но более удивились, услышав пробуждение самого богатыря, ибо чох его уподоблялся дыханию бурному. Шатер поколебался, и показался из оногo исполин, роста чрезвычайного: голова его была с пивной котел, а глаза как пивные ковши. Витязи не оробели, но исполняли повеленное. Они, не дошед шатра, поклоняются, начинают свою речь посольскую: «Ты гой еси, добрый удалый молодец! Скажи, поведай нам, как зовут тебя по имени, как величают по отечеству? Царь ли ты или царевич? Король или королевич? Или из иных земель грозен посол?⁶ Или сильный могучий богатырь? Или ты поленица удалая? Прислал нас к тебе Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич, велел опровердати, кто смел

⁵ Первая примета богатырских коней, что оные ничего не едали, кроме пшеницы.

⁶ Грозен посол значит то, что в старину редко посылали послов, как только для объявления войны, причем обыкновенно употребляли ругательные слова и угрозы.

так стать перед Киевом? Кто мог трубить пред Владимиром? Служить ли ты пришел князю нашему? Или с его витязьми переведаешься? Будет ты служить пришел, ино не честь богатырская стать на лугах княженецких не спрашаючи. Довлело б тебе обостаться, поклонитися. Будет же пришел испытать могуча плеча, уноси ты скорей буйну голову свою — не смогчи тебе на Русь славную! Не в твою пору богатыри сильные погибали здесь перед Киевом; клевали их тела черны вороны; таскали кости их серы волки. Хоть убьешь ты здесь богатыря русского, ино есть вместо его тысяча, а за тысячью и сметы нет».

Исполин рассердился от таких угроз: глаза его засверкали пламенем, он запыхтел, как мех кузнечный, и из ноздрей его посыпались искры огненные. Воскричал он громким голосом, словно как вдали перун гремит: «Ой вы, глупые ребятишки неразумные! Посверчу я вам буйны головы от могучих плеч! Мне ли сметь сказать таковы речи? Талан быти вам посланцами — не топтать бы вам травы-муравы! Вестно дело, что послов не секут, не рубят. Подите вы назад к князю Киевскому, скажите ему опалу великую. Научу я его быти вежливым! Позабудет он красти княжон болгарских! Но не богатырская честь на словах грозить — покажу я вам былью-правдою. Я дал слово крепкое князю Болгарскому — привезти ему главу Владимирову. Скажите вы своему князю: прогневался на него князь Болгарский, грозный Тревелий, и несть ему спасения. Пригожее ли дело — похищать княжну рода славного? Будет Милолика ему лепа показалася, ино шел бы он служить ко Тревелию (брату ее) и по заслуге его бы князь пожаловал. А днесь уже не вменяет он родства его, не глядит на слезы Милоликины. Я сдержу мое слово крепкое, богатырское,

оторву я ему буйну голову от могучих плеч. Не сокроят его леса темные, не спасут горы высокие; мне не надобно ни золота, серебра, ни камня самоцветного, только надобна кровь Владимира».

Окончав речь сию, исполин подхватил близлежащий камень величины необъятной и примолвил: «Не скажу я вам, как зовут меня по имени, как вели-